

Глава V. Учение Штирнера

1. Общие замечания

1. Иоанн Каспар Шмидт родился в 1806 году в городе Байрейте, в Баварии. С 1826 по 1828 год он учился в Берлине, с 1828 по 1829 год он изучал филологию и теологию в Эрлангене. В 1829 году он прервал свое учение, совершил сначала длинную поездку по Германии и жил после этого попеременно до 1832 года в Кенигсберге и в Кульме. С 1832 до 1834 года он учился опять в Берлине, а в 1835 году он там же сдал экзамен на гимназического учителя; но государственной должности он не получил, а сделался в 1839 году учителем частной женской школы в Берлине. В 1844 году он оставил эту должность, но остался жить в Берлине, где и умер в 1856 году.

Частью под именем Макса Штирнера, частью без подписи Шмидт выпустил небольшое число сочинений, по большей части философского содержания.

2. Учение Штирнера о праве, государстве и собственности изложено в его книге «Der Einzige und sein Eigentum» (1845).

Но тут поднимается вопрос, может ли вообще быть речь об учении Штирнера?

Штирнер не признает никакого долга. «Люди таковы, каковыми они должны и могут быть. Чем они должны быть? Конечно, не больше того, чем они могут быть! Чем же они могут быть? Опять-таки не выше того, чем могут быть, т.е. чем это им позволяют их силы»²⁰⁶. «Человек ни к чему не «призван», не имеет никаких «задач», никакого «определения» так же, как растение или животное. Он не имеет призвания, но он имеет силы, которые обнаруживаются там, где они существуют, так как их существование заключается единственно в их обнаружении, и также мало могут остаться бездеятельными, как сама жизнь, которая, если бы «остановилась» хоть на одну секунду, перестала бы быть жизнью. В таком случае можно было бы сказать человеку: употребляй свою силу. И в этом императиве заключался бы тот смысл, что задача человека состоит в употреблении его силы. Но этого нет на самом деле. Наоборот, в действительности каждый употребляет свою силу, не считая ее своим призванием; каждый употребляет в каждый данный момент столько силы, сколько он ее имеет»²⁰⁷.

Штирнер вообще не признает никакой истины: «Истины — это фразы, пустые выражения, слова (λογος); будучи поставлены в связь или приведены в порядок, они образуют логику, науку, философию»²⁰⁸. Поэтому нет ни истины, ни права, ни свободы, ни человечности и т.д., которые могли бы устоять предо мной и которым бы я подчинился»²⁰⁹. «Если существует хоть одна истина, которой человек должен посвящать свою жизнь и силы,

потому что он человек, он подчинен правилу, господству, закону и т.д., — он раб»²¹⁰. «До тех пор, пока Ты веришь в истину, Ты не веришь в себя и Ты раб, — Ты религиозный человек. Ты один только истина, или еще более, Ты больше истины, которая ничто по сравнению с Тобой»²¹¹.

Если сделать отсюда поверхностное заключение, то следовало бы сказать, что книга Штирнера представляет собой личное признание, изложение мыслей без всякой претензии на всеобщее значение; Штирнер не говорит нам о том, что он считает истинным или что мы, по его мнению, должны делать, но он дает нам возможность наблюдать за игрой его представлений. Но сам Штирнер не делает такого заключения²¹², и из-за формы изложения его книги, которая большею частью говорит о штирнеровском «Я», этого не следует предполагать. Он называет того «ослепленным, который хочет быть только «человеком»²¹³. Он выступает против «ошибочного сознания, будто я не имею права настолько, сколько мне необходимо»²¹⁴. Он смеется над верой наших бабушек в привидения²¹⁵. Он говорит: «наказание должно уступить место удовлетворению»²¹⁶; человек «должен защищаться против человека»²¹⁷. И он прибавляет к этому: «над воротами нашего времени стоит не аполлоновское «Познай самого себя», но изречение: «увеличивай свое значение»²¹⁸. Таким образом, Штирнер хочет познакомить нас не только со своим внутренним состоянием во время издания этой книги, но он хочет нам сказать, что он считает истинным и что мы должны делать; его книга не только личная исповедь, но научная теория.

3. Свое учение о праве, государстве и собственности Штирнер не называет анархизмом. Название анархизма он применяет, наоборот, к политическому либерализму, против которого он борется²¹⁹.

2. Основные принципы

Согласно Штирнеру, для каждого из нас самый высший закон — это наше собственное благо.

Что же это такое — собственное благо? «Мы ищем наслаждения жизни!»²²⁰ «С этого момента вопрос не в том, как приобрести жизнь, а в том, как ее употребить, как наслаждаться ею; не в том, как установить в себе свое настоящее «Я», но в том, как развернуться и оживить свой дух»²²¹. «Для того чтобы наслаждение жизнью взяло верх над жаждой или чаяниями жизни, оно должно преодолеть их в двояком отношении, которое Шиллер выводит в «Ideal und Leben»; оно должно уничтожить духовную и материальную бедность, уничтожить идеал и нужду в повседневном хлебе.

Кому приходится тратить свою жизнь для того, чтобы жить, тот не может наслаждаться жизнью; кому сначала надо искать свою жизнь, тот не имеет ее и не может наслаждаться ею: оба бедны»²²².

Собственное благо наш высший закон. Штирнер не признает никаких обязанностей²²³. «Какое мне дело до того, по-христиански ли то, о чем я думаю и что я делаю? Человечно ли

это, либерально, гуманно или бесчеловечно, нелиберально, негуманно, — разве это меня касается? Если это только дает мне то, чего я хочу, если я этим удовлетворяю себя, тогда можете давать этому какие угодно определения, мне это безразлично»²²⁴. «Таким образом, мое отношение к миру такое: «я не делаю ничего «для Бога», не делаю ничего «ради человека», но все, что я делаю, это «ради Себя»²²⁵. «Там, где мир становится мне поперек дороги — а это он делает повсюду, — я уничтожаю его для того, чтобы утолить голод своего эгоизма. Ты для меня не что иное, как пища, подобно тому как и Ты поедает и потребляешь меня. Мы стоим друг к другу только в одном отношении — отношении пригодности, полезности, прибыли»²²⁶. «Я тоже люблю людей, не только отдельных, но каждого. Но я люблю их с сознанием эгоизма; я люблю их потому, что любовь делает меня счастливым; я люблю потому, что любить естественно для меня, потому что мне это нравится. Я не знаю никакой «заповеди любви»²²⁷.

3. Право

I. С точки зрения личного блага каждого Штирнер отвергает право без всяких ограничений, пространственных или временных.

Право основывается не на том, что каждый признает, что оно способствует его благу, но на том, что каждый признает его святым. «Кто же может говорить о «праве», если он только не стоит на религиозной точке зрения? Разве право не является религиозным понятием, т.е. чем-то святым?»²²⁸ «Когда революция возвела равенство в правовую норму, она проникла в религиозную область, в царство святости, идеала»²²⁹. «Я должен почитать султанское право в султанстве, народное право в республике, каноническое право в католической общине и т.д. Этим правам я должен подчиниться, должен считать их святыми»²³⁰. «Закон свят, и кто его нарушает, тот преступник»²³¹. «Только по отношению к святому бывают преступники»²³²; «преступление исчезает, когда исчезнет святое»²³³. «Наказание имеет значение только по отношению к святому»²³⁴. «Что делает священник, увещивающий преступника? Он ему рисует его великую несправедливость, как он осквернил своим поступком святыню государства, его собственность (сюда должна быть причислена и жизнь граждан)»²³⁵.

Но право также мало священо, как мало оно способствует благу каждого. «Право — призрачное построение»²³⁶. «Люди не стали господами идеи «права», которую они сами создали: их творение ускользает от их власти»²³⁷. «Пусть человек заявляет в два раза более претензий на свои права: какое мне дело до его прав и претензий»²³⁸. Я их не уважаю. «Ты имеешь право на то, что можешь сделать. Все права и все полномочия я произвожу от самого себя. Я имею право на все то, что я могу осилить. Я имею право низвергнуть Зевса, Иегову, Бога и т.д., если только я могу это сделать; если же я этого не могу, то эти боги навсегда останутся правыми и сильными против моего желания»²³⁹. «Право превращается в ничто, если оно поглощается насилием»²⁴⁰. «Но вместе с понятием свой смысл теряет также и слово»²⁴¹. «Народ может быть против богохульников; и тогда издается закон против богохульства. Должен ли я поэтому не богохульствовать? Разве этот закон должен для меня представлять нечто большее, чем приказание?»²⁴² «Кто имеет силу, тот «стоит над законом»²⁴³. «Земля принадлежит тому, кто может взять ее, или тому, кто

не позволяет отнять ее у себя. Если он присвоит ее себе, то ему принадлежат не только земля, но и права на нее. Это — эгоистическое право, т.е.: для меня так правильно, поэтому это право»²⁴⁴.

II. Личное благо требует того, чтобы в будущем вместо права оно само было для всех людей законом.

Каждый из нас представляет собою «единицу»²⁴⁵, мировую историю для самого себя²⁴⁶, и если он признает себя «единицей»²⁴⁷, то он индивидуален»²⁴⁸. «Бог и человечество основали все только на себе самих. И я строю все на своем Я, так как Я точно так же, как Бог, есть отрицание всего остального, Я — это мое все, Я — единица»²⁴⁹. «Прочь поэтому всякую вещь, которая не всецело принадлежит мне! Вам думается, что мои вещи должны быть по крайней мере хорошими вещами? Но что же хорошо? Что плохо? Я сам своя вещь, и Я ни хорош и ни плох. И то и другое не имеет для меня смысла. Божественное — это дело Бога, человеческое — дело «человека». Мои вещи ни божеские, ни человеческие, они ни истинны, ни хороши, ни правильны, ни свободны и т.д., они только мои вещи, они не всеобщие, но индивидуальны, как и я индивидуален. Нет ничего выше меня!»²⁵⁰

«Какая разница между свободой и индивидуальностью? Я свободен от того, от чего освобожден; собственник того, что я имею в своей власти или над чем я волен»²⁵¹. Моя свобода тогда только совершенна, когда она обращается в мою силу; благодаря этой последней я перестаяю быть только свободным человеком и становлюсь собственником»²⁵². «Каждый должен себе сказать: Я для самого себя — все, и делаю все ради самого себя. Когда вам станет ясно, что Бог, заповеди и т.д. вам только вредят, что они вас умаляют и губят, вы наверно отбросите их от себя так же, как некогда христиане проклинали Аполлона, Минерву или языческую мораль»²⁵³. «В образе «Бога» христиане изобразили то, как можно поступать только по своей собственной воле, не спрашивая никого и ни о чем. Он поступает так, «как ему угодно»²⁵⁴.

«Власть — это красивая и полезная вещь для многих дел, так как «с одной горстью власти можно сделать больше, чем с полным мешком права». Вы жаждете свободы? Глупцы! Приобретите власть, тогда свобода придет сама по себе. Посмотрите: кто имеет власть, тот «стоит выше законов». По вкусу ли вам этот взгляд, о законопочитатели? Но ведь вы не имеете никакого вкуса!»²⁵⁵.

4. Государство

I. Одновременно с правом Штирнер должен необходимо и безусловно отрицать и правовое учреждение, которое называется государством. Без права невозможно государство. «Уважение перед законом!» — Этой уловкой держится все государство»²⁵⁶.

Таким образом, и государство также основывается не на том, что каждый признает его способствующим его благу, но скорее на том, что каждый считает его святым, что «мы находимся в заблуждении, будто бы оно есть личность и как таковая присваивает себе имя «моральной, мистической или государственной личности». Эту львиную шкуру такой

личности Я, которое действительно есть Я, должно содрать с этого гордого червя»²⁵⁷. Для государства справедливо то же самое, что и для семьи. «Для того чтобы семья в ее составе признавалась и поддерживалась каждым из ее членов, кровная связь должна быть так свята для каждого члена, чувство же к ней должно быть преисполненным такого благоговения, почтения к этой связи, что каждый кровный родственник делается для него святым. Подобным же образом для каждого члена государственной общины должна быть свята эта община, и то понятие, которое для государства считается самым высшим, должно быть высшим и для него»²⁵⁸. «Требовать» этого государство «не только вправе, но и вынуждено»²⁵⁹.

Но государство не свято. «Деятельность государства — это насилие; но свое насилие оно называет «правом», насилие же отдельного человека — «преступлением»²⁶⁰. Если я не делаю того, что хочет государство, «оно выступает против меня со всей силой своей львиной лапы и своих орлиных когтей; ибо оно царь зверей: и лев и орел»²⁶¹. «Если вы и импонируете своему противнику, как сила, то вы не являетесь для него все же благодаря этому священным авторитетом; он должен стать разбойником. Но он не обязан иметь к вам почтения и уважения, хотя бы он и принимал во внимание вашу силу»²⁶².

Государство не способствует и благу каждого. «Я смертельный враг государства»²⁶³. «Общее благо, как таковое, не есть мое благо, но, наоборот, самое крайнее проявление самоотречения. Всеобщее благо может громко торжествовать, в то время как я должен «пресмыкаться»; государство может блистать, в то время как я терплю голод»²⁶⁴. «Каждое государство есть деспот, независимо от того, один ли или много деспотов или, как это полагают часто о республике, все господа, т.е. один властвует над другим»²⁶⁵. «Государство, правда, позволяет личностям свободно забавляться, но только они ничего не должны предпринимать серьезно, никогда не должны забывать его. Государство имеет своей целью только ограничение свободы каждого, обуздание его, подчинение чему-нибудь общему; оно держится до тех пор, пока каждый человек еще не стал всем во всех отношениях, и государство поэтому не что иное, как ясно выраженное мое личное ограничение, мое рабство»²⁶⁶.

«Государство никогда не стремится к тому, чтобы сделать возможной свободную деятельность каждого, а всегда способствует только такой деятельности, которая связана с целями государства»²⁶⁷. «Государство старается парализовать каждую свободную деятельность посредством своей цензуры, своего контроля, своей полиции и считает это своей обязанностью, ибо этого в действительности требует самосохранение»²⁶⁸. «Я не имею права делать все то, что в состоянии сделать, но лишь ту только часть этого, которая мне дозволена государством; я не должен реализовать моих мыслей, извлекать пользу из моей работы, вообще я не должен делать ничего своего»²⁶⁹. Пауперизм — это продукт моей бездонности, проявление того, что я не могу себя использовать. Поэтому государство и пауперизм одно и то же. Государство не позволяет мне извлечь из себя мою ценность и существует только при моей бесценности. Оно всегда старается извлечь из меня для себя пользу, т.е. эксплуатировать меня, воспользоваться мною, хотя бы даже эта эксплуатация заключалась только в том, что я должен заботиться о пролетариате; оно хочет, чтобы я был каким-то орудием и для него»²⁷⁰.

«Государство не может терпеть того, чтобы человек стоял к другому человеку в непосредственном отношении: оно должно быть между ними посредником, разъединять их собой. Оно отрывает человека от человека для того, чтобы стать в качестве призрака между ними. Те рабочие, которые требуют повышенной платы, признаются преступниками, как только они хотят добиться этого повышения силой. Что же они должны делать? Без принуждения они не добьются его, но в принуждении государство видит самоуправство, исходящее из Я, самоопределение, действительную, свободную реализацию своей собственности, которых оно не может допустить»²⁷¹.

II. Личное благо каждого требует, чтобы общественное сожителство людей, на основании только их собственных предписаний, заменило бы собой государство. Этой форме человеческого общежития Штирнер дает название «ферейна эгоистов»²⁷².

1. Люди должны и после уничтожения государства жить обществом. «Личности будут бороться за достигаемое ими самими единство, за союз»²⁷³. Но что же должно связывать людей в общество?

Во всяком случае не обещания. «Если бы вчерашним своим желанием я был связан сегодня и завтра», то «моя воля окаменела бы. Мое создание, т.е. известное волевое проявление, сделалось бы моим повелителем. На том основании, что я вчера был дураком, я на всю жизнь должен был бы им остаться»²⁷⁴. «Союз — это мое собственное создание, мое творение, он не свят и не является какой-либо духовной силой над моим духом, подобно всякой ассоциации, какого бы рода она ни была. Точно так же, как я не могу быть рабом своих правил, но открыто без всякой гарантии подвергаю их своей постоянной критике и не допускаю никакого речательства за их постоянство, даже еще более, я не обязываюсь и союзу за свою будущность и не продаю ему души, как это говорят о черте и как это действительно бывает в государстве и при всех духовных авторитетах; но я есмь и значу для себя более, чем государство, церковь, бог и т.п., следовательно, и бесконечно более, чем союз»²⁷⁵.

Связывать людей в союз должна та польза, какую всякий извлекает в каждый момент из этого союза. Если я могу воспользоваться своим ближним, «то я сговариваюсь с ним и сближаюсь для того, чтобы благодаря этому соглашению усилить свою власть и соединенной силой достигнуть большего, чем мог бы достигнуть отдельный человек. В этом объединении я совсем не вижу ничего другого, кроме увеличения моей силы, и только до тех пор, пока оно умножает мою силу, я сохраняю его»²⁷⁶.

Поэтому союз этот есть нечто совершенно другое, чем «то общество, которое хочет основать коммунизм»²⁷⁷. «В союз ты вносишь всю твою силу, твое умение и добиваешься себе значения, общество же поглощает тебя вместе с твоей рабочей силой; в первом ты живешь эгоистически, во втором человечно, т.е. религиозно, как «член тела этого господина»; обществу ты должен все, что имеешь, ты обязан ему, ты окружен «социальными обязанностями»; союзом же ты пользуешься и уничтожаешь его, не будучи ничем обязан и ни в чем не верен ему, если ты не извлекаешь из него пользы. Если общество больше тебя, то оно и выше тебя; союз же только твое орудие или меч, которым ты заостряешь и увеличиваешь свою естественную силу; союз существует для тебя и через

тебя, общество же, наоборот, имеет на тебя претензии в свою пользу и существует также и без тебя; коротко говоря, общество свято, союз же принадлежит тебе; общество пользуется тобою, а союзом пользуешься ты»²⁷⁸.

2. Но каковы же должны быть детали такого общежития? В ответ своему рецензенту, Моисею Гессу, Штирнер приводит несколько примеров теперь уже существующих союзов.

«Может быть, в этот момент перед его окном бегают дети, занятые общей игрою, пусть он присмотрится к ним, и он увидит веселые эгоистические союзы; быть может, Моисей Гесс имеет друга, возлюбленную, — тогда он может понять, как одно сердце льнет к другому, как два сердца эгоистически объединяются для того, чтобы пользоваться друг другом, и при этом ни одно из них не «остаётся в проигрыше»; может быть, он встретит на улице пару хороших знакомых, которые попросят его сопровождать их в какой-нибудь винный погреб; пойдёт он с ними, желая оказать им любезность, или он «поддержит с ними компанию ради собственного удовольствия?» Разве они должны его поблагодарить за принесенную жертву? Разве они не составили на один час «эгоистический союз?»²⁷⁹ Штирнер задумывается даже о «немецком союзе»²⁸⁰.

5. Собственность

I. Вместе с правом Штирнер необходимо должен отрицать и правовое учреждение — собственность. «Она существует по милости права. Только в праве находит она свою защиту; она недействительна, она фикция, идея. Это — собственность права, правовая собственность, гарантированная собственность; она моя, не благодаря мне, но благодаря праву»²⁸¹.

И собственность в этом смысле основана не на том, что личность признает ее способствующей благу каждого, а на том, что каждый считает ее святой. «Собственность в мещанском смысле слова означает святую собственность, так что я должен иметь уважение перед твоей собственностью. «Уважение перед собственностью!» Поэтому политики хотели, чтобы каждый владел своим кусочком собственности, и вызвали отчасти этим невероятное деление собственности. Каждый должен иметь свою собственную кость, которую он мог бы грызть»²⁸².

Но собственность не свята. «От Твоей и Вашей собственности я не отступаю пугливо назад, но всегда считаю ее моей собственностью, в которой я ничего не должен «уважать». Делайте же то же самое с тем, что Вы называете моей собственностью!»²⁸³

Собственность не содействует и благу отдельного человека. Собственность, как понимают ее буржуазные либералы, не прочна, так как собственник-мещанин, в сущности, не что иное, как человек, не имеющий собственности, отовсюду выключенный человек. Вместо того чтобы ему принадлежал мир, ему не принадлежит даже той ничтожной точки, на которой он стоит»²⁸⁴.

II. Личное благо каждого человека требует того, чтобы разделение богатств на основании его собственных предписаний заменило бы собой собственность. Если Штирнер называет собственностью полученную каждым на основании этих предписаний частицу богатств, то это лишь в том переносном смысле, в котором он постоянно употребляет слово «собственность»; в прямом смысле слова собственностью может называться только на основании права полученная частица богатств²⁸⁵.

Согласно требованиям своего личного блага, каждый человек должен иметь все то, чего он в состоянии достигнуть.

1. «То, над чем меня не могут лишить власти, является моей собственностью; так пусть же сила решает над собственностью, и я жду всего от силы! Чужая сила, сила, которую я допускаю у другого, делает меня крепостным; так пусть же моя собственная сила делает меня личностью!»²⁸⁶ «На какую собственность имею я право? На всякую, для достижения которой я имею силы. Я даю себе право на собственность тем, что я создаю себе собственность, или тем, что осуществляю власть собственника, полномочия его полномочия»²⁸⁷. «То, что я могу иметь, — это моя собственность»²⁸⁸. «Вольные, дети, старики имеют всегда некоторые силы, они могут, например, поддерживать свою жизнь, вместо того чтобы лишать себя ее. Если они влияют на Вас так, что Вы желаете их существования, то они имеют власть над Вами»²⁸⁹. Какой силой владеет ребенок, когда он смеется, играет, кричит, словом, во всем своем существовании? В состоянии ли Ты устоять против его требований, не даешь ли Ты ему, как мать, груди своей, как отец, такую часть своего имущества, какая ему нужна? Он принуждает Вас, и поэтому он владеет тем, что Вы называете Вашим»²⁹⁰.

Таким образом, собственность не должна и не может быть уничтожена, но должна быть изъята из рук призраков и сделана моей собственностью; тогда исчезнет ошибочное убеждение, что я не имею права на столько, сколько мне необходимо. «Но чего только человеку не нужно!» Кому нужно много и кто понимает, как можно этого добиться, тот во всякое время добивался этого, как, например, Наполеон добился континента, а французы — Алжира. Все сводится поэтому только к тому, чтобы преисполненная уважением «чернь» научилась наконец брать то, что ей нужно.

Если она заденет Вас слишком, то защищайтесь»²⁹¹. «То, что нужно «человеку», ни в коем случае не может быть масштабом ни для меня, ни для моих потребностей, так как я могу нуждаться и в меньшем, и в большем. Я должен иметь, скорее, столько, сколько я в состоянии взять себе»²⁹².

2. «Союзы умножат средства каждого и обеспечат оспариваемую собственность также и в следующих вещах»²⁹³.

«Если мы хотим присвоить себе землю землевладельцев, не желая ее дальнейшего существования в этой форме, то объединимся для этой цели, образуем союз, *société*, который и сделается собственником; если нам посчастливится, то землевладельцы перестанут быть владельцами земли. И подобно тому как мы отняли у них землю, мы можем взять многое другое из их собственности, делая все это своей собственностью, т.е.

собственностью победителей. Последние образуют союз, который, как можно предполагать, постепенно может охватить все человечество. Но и так называемое человечество, как таковое, есть не что иное, как идея (Призрак), в действительности существуют только отдельные люди. И эти отдельные люди в виде объединенной массы будут не менее произвольно обращаться с землей, чем индивидуализированная личность»²⁹⁴.

«То, в чем все хотят принять участие, будет отнято у того отдельного человека, который хочет иметь это исключительно для себя, и сделается общим достоянием. В общественном богатстве каждый имеет свою долю, и эта доля считается его собственностью; так и при старых условиях нашей жизни дом, который принадлежит пяти наследникам, представляет их общее богатство, пятая же часть дохода есть собственность каждого. Не принадлежащая еще нам собственность станет более доходной, когда будет находиться в наших руках. Объединимся же поэтому с целью такого расхищения»²⁹⁵.

6. Осуществление

Согласно Штирнеру, перемена, которой требует благо каждого человека, произойдет так, что сперва совершится среди достаточного количества людей внутренний переворот и собственное благо будет признано высшим законом, а затем люди эти при помощи силы совершат внешний переворот, т.е. уничтожат право, государство и собственность, и осуществят новый строй.

I. Самое первое и важное — это внутреннее изменение людей.

«Революция и возмущение не должны быть рассматриваемы, как вещи, имеющие равное значение. Революция — это переворот в условиях, в существующем состоянии или *status'е* государства или общества, это, следовательно, политическое или социальное действие; возмущение же, хотя и имеет своим неизбежным следствием изменение порядка, но исходит не из необходимости этого изменения, а из недовольства людей собой; это не бунт, а восстание каждого в отдельности, возмущение, не считающееся с теми учреждениями, которые получают в нем свое происхождение. Революция стремится к новым учреждениям, возмущение же ведет к тому, чтобы не допускать чужого установления учреждений для нас самих, но самим начать создавать их, и не возлагает на «учреждения» никаких блестящих надежд. Оно не представляет собой борьбы против существующего, ибо, если оно распространяется, это существующее рушится само собой. Оно есть всего лишь освобождение меня самого из существующего. Если я оставляю без внимания существующее, оно умирает и начинает гнить. Так как моя цель заключается не в низвержении существующего, а в моей победе над ним, то моя цель и моя деятельность не носят политического или социального характера, но, как направленные исключительно на меня самого и на мою индивидуальность, — характер эгоистический»²⁹⁶.

«Почему основатель христианства не был ни революционером, ни демагогом, за какого его очень хотели счесть евреи, почему он не был либералом? Потому, что он не видел спасения в изменении существующего строя и был поэтому к нему равнодушен. Он вовсе не был революционером, как, например, Цезарь. Он был бунтовщиком; он не был

проповедником государственного переворота, он только восстал; он не вел никакой либеральной или политической борьбы против существующей власти, но он хотел идти своей дорогой, не заботясь и не считаясь с этой властью»²⁹⁷.

«Все святое есть обуза, цепи. Все святое будет и должно быть уничтожено при уничтожении права; потому в наше время во всех областях замечается множество случаев такого уничтожения. Они подготавливают крушение права, его исчезновение»²⁹⁸. Считай себя более сильным, чем признают тебя другие, и ты будешь обладать большей силой; считай себя больше, и ты будешь больше»²⁹⁹. «Бедные только тогда будут свободными и собственниками, когда они возмутятся, обогатятся и возвысятся»³⁰⁰. «Только в эгоизме может найти чернь помощь; эту помощь она должна оказать себе сама, и она себе окажет ее. Если она не позволит утрашиться, она станет силой»³⁰¹.

II. Чтобы «совершить переворот»³⁰² и на место права, государства и собственности водворить новый порядок, необходимо далее насильственное восстание против существующего строя.

1. «Государство может быть побеждено только дерзким произволом»³⁰³. «Преступление есть насилие отдельного человека, и только посредством преступления отдельный человек уничтожает насилие государства, когда он полагает, что не государство должно быть выше его, а они — выше государства»³⁰⁴. «Результат и здесь получается тот, что люди, мыслящие в своей борьбе против правительства, не правы, т.е. бессильны, пока борьба эта не знает иных средств против личной силы, кроме мыслей (эгоистическая сила затыкает мыслящим людям рот). Теоретическая борьба не может дать места полной победе, и святая сила мысли подчиняется насилию эгоизма. Только эгоистическая борьба, борьба эгоистов с обеих сторон, делает все ясным»³⁰⁵.

«Вопрос о собственности нельзя решить так мирно, как об этом мечтают социалисты и даже коммунисты. Он может быть решен только войной всех против всех»³⁰⁶. «Ведь я беру обратно ту силу, которую, по незнанию своих собственных сил, я предоставил другим! Я говорю себе: все, на что распространяется моя сила, это моя собственность, и я присваиваю себе все то, как свою собственность, для достижения чего я чувствую в себе достаточно сил; я позволяю себе увеличивать мою действительную собственность до тех пор, пока я уполномочиваю себя брать, т.е. — пока я в силах»³⁰⁷. «Чтобы уничтожить неимущую чернь, эгоизм не говорит: подожди, пока блюстители справедливости подарят тебе что-нибудь во имя всего общества, но говорит: хватай и бери все, что тебе нужно»³⁰⁸.

В этой борьбе Штирнер оправдывает всякое средство. «Ни перед каким делом я не останавлиюсь только потому, что в нем будто бы живет дух безбожия, безнравственности, несправедливости, точно так же, как святой Бонифаций не отказался из-за религиозных соображений от срубления языческого дуба»³⁰⁹. «Власть над жизнью и смертью, которую церковь и государство удерживают за собой, я называю также и своей властью»³¹⁰. «Жизнь отдельного человека имеет для меня значение лишь постольку, насколько она ценна для меня. Его богатства, материальные и духовные, принадлежат мне, и я управляю ими по мере своей силы»³¹¹.

2. Штирнер рисует нам картину одного отдельного явления в этом насильственном перевороте строя. Он предполагает, что некоторые люди уже видят, что они в государстве по сравнению с другими привилегированными лицами слишком обделены.

«Обделенные задают себе вопрос: чем же застрахована ваша собственность, ваша — господа привилегированные? — и отвечают себе: тем, что мы воздерживаемся от покушения на нее. Стало быть, нашей защитой! И что же вы даете нам за это? Пинком ноги и презрением дарите вы «простой народ»; полицейским надзором и катехизисом со следующим главным правилом: уважай то, что не принадлежит тебе, но что принадлежит другому! Уважай других и особенно начальство! Мы же отвечаем вам: если хотите нашего уважения, так купите его за выгодную для нас цену. Мы оставим за вами вашу собственность, если вы дадите нам за это должное возмездие. Что дает генерал в мирное время взамен своего многотысячного годового жалованья, а другие за свой ежегодный доход в сотни тысяч или миллионы? Чем вы платите за то, что мы жуем картофель и спокойно смотрим, как вы глотаете устрицы? Платите нам за устрицы такую же цену, какую мы должны платить вам за картофель, и мы позволим вам есть их и впредь. Или вы думаете, что устрицы нам не принадлежат так же, как и вам? Вы будете кричать о насилии, если мы возьмем и станем их есть, и вы будете правы. Без насилия мы их не получим, точно так же, как и вы имеете их только потому, что употребляете над нами насилие.

Берите же себе устрицы и дайте нам дорогу к более близкой сердцу нашему собственности (ибо она-то только и есть собственность), к работе. Мы мучаемся двенадцать часов в поте лица нашего, а вы предлагаете нам за это несколько грошей. Берите же и вы за свою работу столько же. Мы уж доведем дело до конца, раз мы все сошлись на том, что никто ничего не должен дарить другому. Уже сотни лет, как мы по добродушной глупости своей подаем вам милостыню, раздаем лепту бедняков и даем господам то, что не принадлежит им; откройте же ваши кошельки — ибо с сегодняшнего дня наш товар чрезмерно повысился в цене. Мы ничего не хотим отнять у вас, только платите лучше за то, что хотите иметь. Что ты имеешь? «Я имею имение в тысячу десятин». А я пахарь и готов тебе пахать твою землю только за талер в день. «В таком случае я беру другого». Ты не найдешь никого, так как мы, пахари, дешевле не хотим; если же явится хоть один такой, который возьмет дешевле, то пусть он остерегается нас»³¹².

Версия #1

Зверобой создал 19 апреля 2025 02:09:34

Зверобой обновил 19 апреля 2025 02:12:02